

Глава 56

"Ты можешь поверить в это?!" - спросил Ян Кабрнох. "Что, черт возьми, Сабатино о себе думает?!"

Президент системы Куманг выглядел значительно менее фотогеничным, чем обычно, свирепо смотря на шефа своего персонала. Его темные волосы - драматически серебристые на висках - казалось, ошетинились от гнева, и его обычно пронзительные голубые глаза горели от ярости.

В данный момент последнее во вселенной, чего Зузана Ждарска хотела - ответить на его вопрос. К сожалению, у нее не было выбора.

"Я не знаю, что он о себе думает, мистер президент," - сказала она не совсем правдоподобно и обращаясь к нему гораздо более формально, чем обычно. Неформальность в данный момент представлялась противопоказанной. "Но я думаю, что это паническая реакция на последний месяц," - продолжала она, "- и если мы просто переждем, то -"

"Переждать? Боже, Зузана! Он "просит" ответ сегодня днем! Как, черт возьми, я могу "переждать" пятичасовой срок?"

Ждарска прикусила губу, отчаянно пытаясь придумать ответ.

Кабрнох вскочил с кресла и начал шагать взад-вперед по ворсистому ковру своего кабинета резкими, отрывистыми шагами. Он часто ходил, борясь с проблемами, но никогда как сегодня. Он был президентом в течение тридцати пяти Т-лет, и за все это время Ждарска никогда не видела его в столь сильной ярости.

Конечно, ему никогда до этого не говорили, что он просто уволен.

"Это твоя вина!" - рявкнул Кабрнох, поворачиваясь, чтобы наставить указательный палец на нее. "Ты посоветовала мне послать Безопасность, когда эти психи начали поджигать Велеград!"

Ждарска начала открывать рот, затем плотно закрыла его. Это обвинение, по ее мнению, было совершенно несправедливым. Она не советовала ему послать их; она просто не спорила, когда он решил это сделать! Но если она скажет это ...

"Мистер президент," - сказала она вместо этого, "- очевидно мистер Сабатино реагирует на беспорядки. Для него не имеет никакого значения, почему кто-то бунтует. Важно то, что уровень насилия, - насилия, вызванного мятежниками, а не полицией Велеграда или ШСОБ, - заставляет его бояться, что на горизонте будет еще больше волнений. Но в Конституции нет положения об одновременной отставке президента и вице-президента! Что бы ни хотел мистер Сабатино, нет законного способа дать ему это! Думаю, мы должны указать на это. По крайней мере, юридические препятствия должны дать ему паузу, и как только он будет вынужден остановиться и подумать о связанных с этим трудностях, появится отличная возможность облегчить его первоначальную панику."

"Ха!" - фыркнул Кабрнох. "У него был почти месяц, черт возьми, чтобы "облегчить" свою панику, Зузана. Что, черт возьми, заставляет вас думать, что он изменит свое мнение, если я скажу ему: "О, я хочу уйти в отставку, но я не могу сделать это на законных основаниях." Он

потребуется изменения этой чертовой Конституции тоже!"

"Даже если он потребует, это займет время, господин президент. А наши люди контролируют каналы новостей и избирательный процесс."

"Сейчас," - прокричал Кабрнох. "Если он начнет сыпать деньгами, как долго "наши люди" останутся "нашими людьми"?" Он сердито покачал головой. "Он выдернет их из-под нас и бросит на поддержку этого ублюдка Шимла. Ты знаешь, это тот, кого он планирует привести вместо меня!"

Он был прав, - призналась Ждарска мрачно, и ее собственный гнев возник при этой мысли. Она получила много удовольствия убирая с пути Яна Кабрноха к власти жалкую задницу Шимла. И это кровоточащее сердце, бывшее настолько святее всех в его "принципиальной оппозиции" к Кабрноху - и Зузане Ждарской - поднимается на вершину. Она помогла превратить его в нищего, удаленного в его жалкую позицию в Соколе, и теперь это. Кабрнох был прав о том, что имел в виду Сабатино ... и если он лишится власти, что случится с ней? Особенно если Шимл займет его место? Она сомневалась, что кто-то собирается предложить ей золотой антиграв или виллу на другой планете для выхода на пенсию!

Кабрнох прекратил свое яростное хождение и плюхнулся в свое огромное кресло возле стола. Его плечи повисли, и когда он снова покачал головой, это уже не было гневным жестом. На этот раз это был жест покорности и ледяной холодок пробежал по Ждарской, когда она увидела, что гневная энергия ушла из него.

"Мистер президент," - начала она, "я не -"

"Все кончено," - прервал он ее уныло. Она остановилась, и он откинулся назад с мрачным лицом. "У него все карты. Если я не приму его "щедрое предложение", он вызовет своих прихвостней из УПБ. Если он вбросит весь этот компромат в новостные каналы и начнет покупать поддержку своего ходатайства об отзыве, Вернер будет прыгать, чтобы дать ему официальную поддержку УПБ. И если это случится, тебе и мне повезет, если мы не попадем в тюрьму в качестве части оформления витрины захвата Пограничной Безопасностью всей системы."

"Но -"

"Нет никаких "но", - сказал Кабрнох. "Если бы у него не было Шимла, сидящего за кулисами для замены, все могло быть иначе, но он есть. Так-что полагаю, я должен начать думать о том, как составить мое письмо об отставке, ты не думаешь?"

* * *

"Он в самом деле собирается уйти в отставку, Тетя Зузана?" Голос Даниэля Клюмы звучал так, словно он не мог в это поверить. "Просто взять и сдать?"

"Он не думает, что у него есть выбор," - сказал Зузана Ждарска человеку, которого она лично выбрала возглавить команду безопасности Яна Кабрноха. Клюма не был очень умен, но он был далеко не глуп, и он был также ее кузенком. Между ними было более тридцати лет разницы, поэтому он называл ее тетя, а не кузина, и он всегда был очень предан ей. И несмотря на nepотизм, который обеспечил ему его должность, он хорошо справлялся со своей работой ... и гордился своим положением шефа телохранителей президента.

"Но он президент!" - запротестовал Клюма. "Никто не может заставить его делать то, что он не хочет!"

"К сожалению, в этом случае кто-то может," - сказала она с горечью. "Пока этот сукин сын Шимл шепчет в ухо Сабатино, карты против него, Даниэль."

Клюма сердито посмотрел на нее, затем повернулся и в гневе вышел из ее кабинета. Она думала позвать ему обратно, но какой в этом был смысл? Она не смогла бы сделать его счастливее, и ничего бы не изменилось. Кроме того, у нее были более насущные проблемы, если Кабрнох действительно собирался уйти в отставку. Одна вещь, которую она чертовски определенно не имела бы в администрации Шимла, была работа, поэтому настало время напомнить некоторым важным людям обо всех трупах, которые она помогла похоронить в последние три десятилетия. Она была уверена, что сможет убедить их внести вклад в ее пенсионный фонд, если это единственный способ сохранить эти трупы благополучно похороненными.

Она набрала список своих контактов и сделала первый звонок.

* * *

"Я надеюсь, что это сработает так, как ты думаешь, Адам," - сказал Зденек Вилюшинский, когда бронированный воздушный лимузин, финансируемый Карл-Хайнцем Сабатино направился к парковке во дворе ресторана.

"Я тоже. Но пока я пытаюсь напомнить себе, что ничто не является надежным - или безопасным - трудно понять, как это будет. По крайней мере, поскольку это касается выборов. Черт, Зденек! Мы с тобой выиграем честные выборы! Предполагая, что кто-нибудь на Шотеборе вспомнит один из них после тридцати пяти лет правления Кабрноха."

Вилюшинский кивнул, хотя он был менее уверен в своей способности выиграть вице-президентство на честных выборах. Личность Шимла, особенно после беспорядков в Велеграде, делала его безусловным кандидатом на пост президента, но оба они представляли аграрные интересы Шотебора. По общему признанию, сельское хозяйство было важнейшим компонентом планетарной экономики, но это был не единственный компонент, а в пюбых открытых честных выборах кандидат в вице-президенты из одного из крупных городов, вероятно, был бы лучшим выбором.

К счастью, это не будут открытые честные выборы, как бы они оба не предпочитали это. И это, вероятно, было бы, по крайней мере, несколько ... вредно для системного президента, планирующего спроектировать переворот против Конституции, выбрать вице-президента, который не был частью заговора.

"Вероятно, ты прав," - сказал он вслух. "Наверное, мне просто сложно поверить, что все сводится к этому. Или, может быть, я боюсь, что если я позволю себе поверить, что все будет работать, я сглажу! В любом случае, я почувствую себя намного счастливее, когда Кабрнох объявит о своей отставке сегодня вечером."

"Я тоже," - признался Шимл, когда лимузин аккуратно приземлился.

Турбины взвыли останавливаясь, и Филип Малый поднялся с переднего пассажирского сиденья

и открыл заднюю дверь. Шимл улыбнулся ему и поднялся со своего места.

"Спасибо, Филип," - сказал он.

"Добро пожаловать, сэр." Филип улыбнулся в ответ, хотя его глаза продолжали сканировать местные эскалаторы и тротуары. "Просто подлизываюсь к вам. Я всегда хотел работать в президентской безопасности, и вот -"

Пульсерный дротик протрещал мимо правого уха Шимла со звуком пистолетного выстрела на своей гиперзвуковой скорости. Он ударил по лимузину и сделал вмятину размером с булавку в его толстой броне и Малый отреагировал мгновенно, ударив плечом в грудь Шимла и бросив его обратно на свое место за защитной броней.

Шимл неловко упал назад, растянулся на сиденье, с которого только что поднялся, тем временем его мозг попытался понять, что происходит. Сильно ударившись и отскочив, он затем откинулся в полусидячем положении, а Малый откатился от лимузина, его правая рука рванулась под куртку, чтобы достать свой собственный пульсер.

Еще один дротик про проверещал мимо Шимла, пройдя через все еще открытую дверь, и он услышал, как Вилюшинский грубо выругался, когда дротик задел его щеку, процарапав кровавую черту, как лезвием бритвы, прежде чем скрыться где-то в роскошном мягком интерьере лимузина.

Малый двинулся вбок, прикрывая открытую дверь своим телом, пульсер в его руке поднялся. Он выстрелил ... и в тот же миг третий пульсерный дротик ударил в него и пробил легкую броню, которую он носил под своей курткой.

Кровь взорвалась между его лопаток и он упал без звука.

* * *

"Я хочу, чтобы эту суку арестовали, обвинили и, черт побери, осудили!" - прорычал Карл-Хайнц Сабатино.

"Мистер Сабатино, я понимаю, вы злитесь. Ради Бога, я сам злюсь! Адам Шимл - мой личный друг! Но нет никаких доказательств, что миз Ждарска имела к этому какое-то отношение," - ответил Даниэль Капичка.

"Черта с два она не имела отношения!" Сабатино рявкнул с дисплея комм Капички. "Сукин сын был ее двоюродным братом - и начальником безопасности Кабрноха, если на то пошло! Вы думаете, что двое из них не знали точно, что он делает?!"

"Честно говоря, нет, я не думаю, что они знали об этом," - сказал Капичка. "И, кстати, Адам тоже."

"Адам слишком доверчивый человек," - выпалил Сабатино в ответ. "А у кого еще был мотив убить его?"

"Мистер Сабатино, я не сомневаюсь, что Клюма был мотивирован решением президента Кабрноха уйти в отставку. И, как и любой другой, кто может считать до двадцати, он, должно быть, понял, что Адам - самый вероятный человек, который может заменить президента. Но все, что я видел до сих пор, показывает, что он действовал сам по себе. Я не сомневаюсь, что его отношения с миз Ждарской сыграли определенную роль в его мотивации, но я думаю, что

она была искренне потрясена его действиями. И прав я в этом или нет, нет никаких доказательств - пока, по крайней мере - что она знала что-то о его планах. Очевидно в сложившихся обстоятельствах мы должны предположить, что у нее и у президента могут быть свои собственные мотивы желать ... удалить Адама из политического уравнения, и я обещаю, что мы продолжим изучать это как можно внимательно. Но я не могу оправдать ее арест и обвинение, когда нет никаких доказательств ее соучастия."

"Хорошо, как только вы обнаружите эти доказательства, я хочу, чтобы она была арестована. Вы меня понимаете, мистер Капичка?"

Он гневно смотрел на министра общественной безопасности еще секунду или две, затем отключил связь сердитым ударом руки и повернулся к Адаму Шимлу.

"Я никогда не думал, что эти ублюдки будут такими идиотами, чтобы попытаться сделать что-то подобное, Адам!" - сказал он. "Это заставляет меня думать, что они, вероятно, были за той бомбой в твоём автомобиле."

"Я уже говорил, что не думаю, что Кабрнох и Ждарска были связаны с этим, Карл-Хайнц," - устало сказал Шимл.

Исполнительный директор корпораций настоял на том, чтобы и он, и Вилюшинский отправились в пентхауз Сабатино как только была обработана лицевая рана Вилюшинского. Честно говоря, он предпочел бы быть где-то в другом месте - попытаться утешить жену и детей человека, который только что умер, спасая его жизнь, например. Но он только сказал об этом довольно раздражительно Сабатино, когда водитель лимузина остановился на посадочной площадке пентхауса. Он был слишком эмоционально истощен, чтобы беспокоиться о чувствах директора, но, к его удивлению, Сабатино кивнул, а не обиделся. Он также немедленно отправил еще один лимузин, чтобы забрать Алену Шпанкову Малую и ее двух дочерей и привести их прямо в свой пентхаус. И он также обещал создать целевой фонд, который обеспечил бы, чтобы семья Малого никогда ни в чем не нуждалась.

"Я знаю, ты не думаешь, что они стоят за этим," - сказал генеральный директор. "И, может быть, ты и Капичка правы. Но ты можешь ошибаться, и я не хочу рисковать - ни в малейшей степени - твоей жизнью. Тебе и мистеру Вилюшинскому невероятно повезло. Повезло, когда он промахнулся с первым выстрелом, повезло, что второй выстрел не был на один сантиметр левее, и повезло, что молодой человек был там, чтобы умереть, сохраняя ваши жизни." Выражение Сабатино было таким серьезным, каким Шимл никогда его не видел. "Я знаю, ты считаешь меня расчетливым, безжалостным бизнесменом, Адам, и это справедливо, потому что я такой и есть. Но это не мешает мне относиться к тебе как к другу, и это определенно не мешает мне оценить жертву, которую Филипп Малый сделал для тебя этим утром. И я сожалею, что мое подозрение на Кабрноха и Ждарску беспокоит тебя. Но тебе просто придется смириться с этим, пока Капичка не докажет, что они этого не заказывали."

Шимл долго смотрел на него, а затем медленно кивнул.

"И, говоря как расчетливый, безжалостный бизнесмен," - сказал Сабатино с легкой улыбкой, в которой было больше, чем след настоящей печали, "я должен сказать, что это совершенно не повредит твоим шансам на специальных выборах."

* * *

"Я не знаю, Стив," - сказала Шинейд Терехова. Она стояла на балконе огромного номера на верхнем этаже отеля «Комсток», и выражение ее лица было необычно хмурым, почти

тревожным. "Я просто не знаю, как Айварс отреагирует на это. Если уж на то пошло, я не знаю, как я буду реагировать!"

"Ну, не могу сказать, что я удивляюсь, слыша это," - ответил Стивен Вестман. Он стоял рядом с ней, глядя на столицу, когда солнце садилось на западе. "Обязательно будут какие-то тяжелые чувства после того, как долго и как сильно вы сражались друг с другом, Шинейд. Неправильно ожидать, что это может быть иначе. И я полагаю, адмирал Турвилл, наверное достаточно умен, чтобы сознавать то же самое."

Шинейд взглянула на его профиль и закусила губу. Она, откровенно говоря, была поражена тем, как ей стал нравиться Стивен Вестман за те две Т-недели, которые она провела на Монтане. Она могла точно понять, как кто-то с таким характером поднял руку против перспективы иметь свою домашнюю звездную систему подчиненной другой звездной нации, но она не могла не восхищаться такой честностью, которая могла это сделать, с одной стороны, и признать, что это было неправильно, с другой. И было очевидно, что Вестман не только восхищался ее мужем, не просто был благодарен за то, что он сделал здесь, на Монтане, но на самом деле очень любил его. Во многих отношениях он и Айварс были на самом деле довольно похожи друг на друга.

Но он не знал о Гиацинте. Он не знал, как эскадра крейсеров Айварса сражалась до последнего корабля, защищая свой конвой. Не знал, как жестоко сам Айварс был ранен или сколько из его несчастных немногих выживших пытали и убивали в тюрьмах Народной Республики Хевен. Не знал о кошмарах, когда он просыпался, покрытый потом, дрожа, пытаясь не показать свои глубокие душевные раны, пытаясь не "грузить" ее! Были времена, когда она почти ненавидела его за то, что он не пускал ей в свою душу, за то, что наказывал ее любимого мужчину за то, что выжил, когда так много его людей не выжило.

А теперь это. Теперь весь хевенитский флот под командованием человека, уничтожившего флот Себастьяна Д'Орвиля в Первой битве при Манतिकоре, был здесь, в Монтане. Этот человек не просто пришел в Монтану, но, поскольку он был существенно старше Крейга Калбертсона ... это означало, что он теперь командовал всеми силами в системе. Когда Айварс вернется из Мебиуса, как он будет реагировать на это? И как ей полагается реагировать на это?

Ну, единственное, что ты не можешь сделать, это устраивать сцены. Однако чувства Айварса, когда он будет должен работать с Турвилем - должен выполнять его приказы. Если ты сделаешь это еще сложнее, ты никому не принесешь пользы. Кроме того, если кто-то должен знать лучше, как делать такие вещи, это черт побери, должна быть ты!

"Надеюсь, ты прав, Стив," - сказала она через мгновение. "Но я действительно очень хотела бы оказаться где-то еще этим вечером!"

"По крайней мере, у вас будет какая-то поддержка, мэм," - сказал он ей, улыбаясь. "Я обещаю, что буду вести себя хорошо и не проливать соус на рубашку."

* * *

"Добрый вечер, госпожа Терехов," - сказала темнокожая голубоглазая, экзотически привлекательная молодая женщина в парадной форме лейтенанта флота Республики Хевен, когда Шинейд вошла в причальный отсек КФРХ Террор.

Огромный супердредноут летел по орбите вокруг планеты Монтаны, и Шинейд представляла, как все монтанцы смотрят на солнечные отражения от сотен военных кораблей, вращающихся

вокруг их мира.

"Я Берджуи Лафонтен, флаг-лейтенант адмирала Турвиля," - продолжала лейтенант. "Он поручил мне лично встретить вас - и, конечно, мистера Вестмана," - Лафонтен с уважением кивнула Вестману "- и проводить вас к обеду."

"Спасибо, лейтенант." Шинейд услышала оттенок мороза в своем голосе и пожелала, чтобы его не было. Эта молодая женщина была слишком молода и в слишком невысоком звании, чтобы иметь какое-либо отношение к тому, что случилось с ее мужем или его людьми, а Республика Хевен - Республика, а не Народная Республика, - и Звездная Империя Мантикоры были союзниками.

Помогло бы, если бы они, по крайней мере, изменили форму, подумала она почти раздражительно, а затем сделала себе суровое умственное внушение. Она была взрослая, черт возьми. Пора уже действовать как взрослая.

"Это было очень предусмотрительно со стороны адмирала," - сказала она гораздо более естественно и улыбнулась Лафонтен. "Я признательна за это."

"Пройдите сюда, пожалуйста?" - сказала Лафонтен и грациозно махнула рукой, чтобы Шинейд и Вестман прошли перед ней к лифту.

* * *

ФРХ не смог получить степень автоматизации, которой пользовался КФМ, а это означало, что они требовали гораздо больших экипажей в расчете на тонну, однако любой СД(п) требовал значительно меньше персонала, чем более традиционно вооруженное судно той же огневой мощи. В результате, строители КФРХ Террор получили намного больше объема, чем обычно, когда они проектировали пространство для экипажа корабля.

Это было видно, когда лейтенант Лафонтен сопровождала Шинейд и Вестмана в просторную кают-компанию, которая была конвертирована на вечер в официальную столовую. Шинейд решила, что столов и стульев легко хватит для трехсот человек, и им не будет тесно.

Однако только немногие из гостей уже прибыли, и она почувствовала, что внутренне напряглась, когда лейтенант провела ее к высокому, широкоплечему адмиралу, ждущему, чтобы приветствовать ее. Она узнала торчащие усы Турвиля и древесного кота на плече.

"Миз Терехов," - сказал он, протягивая руку, и она взяла ее, не совсем охотно. "Для меня большая честь встретиться с вами и поблагодарить вас за то, что вы пришли," - сказал он ей. "Я с большим восхищением следил за достижениями вашего мужа."

"Спасибо, адмирал," - спокойно сказала она. "И позвольте мне выразить свое восхищение вашей ролью в отражении нападения солариан на Мантикору."

Эй, это звучало довольно жестко и формально, Шинейд, ругала она себя.

"Для меня было честью быть там," - сказал он. "Если можно я также добавлю," - он спокойно встретил ее взгляд, "что мои люди и я с большим удовлетворением восприняли мысль, что Мантикора и Хевен теперь знают, кто действительно был их врагом в течение последних нескольких Т-лет."

"Я уверена, что это так." - ответила она. "И, как и все мантикорцы, я глубоко благодарна Республике за помощь."

Он кивнул и повернулся к Вестману.

"Добро пожаловать на борт, мистер Вестман," - сказал он и улыбнулся естественнее, чем Шинейд. "Мистер Ван Дорт сообщил мне в Шпинделе, что у нас с вами, наверное, много общего. Я не уверен, что он имел в виду комплимент."

"Это похоже на Бернардуса," ответил Вестман с соответствующей улыбкой. "И для того, кто знает меня так же хорошо, как и он, наверное нет."

* * *

Вечер, решила Шинейд несколько часов спустя, когда официанты кают-компании начали подавать десерт, был не такой страшный, как она боялась. Конечно, это не делало его самым приятным банкетом, который она когда-либо посещала. Было очевидно, что их хозяева-хевениты прилагают все усилия, чтобы успокоить своих мантикорских гостей, но было также ясно, что она была не единственной, кто чувствовал некоторую напряженность. К их чести, Калбертсон и Турвиль, который сразу же одобрил все решения Калбертсона после отбытия адмирала Золотой Пик, были в процессе установления подлинного взаимопонимания. Что бы ни чувствовали их подчиненные, им, казалось, было совершенно легко друг с другом. Видимость могла быть обманчивой, но язык тела древесного кота на плече Турвиля предполагал другое.

Как бы она не старалась, ее собственное чувство напряженности от нахождения в неправильном месте в неправильное время, упорно сохранялось. На самом деле оно было хуже, чем раньше.

"Вы не кажетесь довольной," - тихо заметил Вестмен ей на ухо, и она обернулась, чтобы посмотреть на своего соседа по столу.

"Я знаю. И я ненавижу это," - призналась она также тихо. "Адмирал Турвиль делает все, что может, чтобы я и все остальные искренне чувствовали себя желанными гостями. Но я просто не могу забыть, что он был когда-то адмиралом хевов." Она закусил губу, и ее ноздри расширились. "Я не знаю, рассказывал ли Айварс когда-либо вам о своем времени, когда он был военнопленным или о том, что делала Госбезопасность с оставшимися в живых из его экипажей, но это было ... ужасно. Просто ужасно, Стив. И главное, Турвиль - тот, чьи корабли захватили герцогиню Харрингтон и передали ее Госбезопасности. Которая продолжала пытаться и издеваться над ней ... и повесила бы ее, если бы ее людям не удалось убежать! Я знаю, что это была другая война, и я знаю, что Народная республика была другой звездной нацией, и мне стыдно за себя, но я просто ... я просто не могу забыть об этом."

"Я не знал -" - начал Вестман, но затем тихий голос прервал его.

"Простите, миз Терехов," - сказала Берджуи Лафонтен, и Шинейд подскочила на своем кресле, широко открыв глаза и начиная краснеть от смеси ярости и смущения, когда она поняла, что флаг-лейтенант Турвиля стояла за ней все время, пока она говорила.

"Лейтенант!" - резко сказала она. "Я не знала, что -"

"Мэм," - прервала Лафонтен, "прошу прощения. Я не хотела подслушивать. Адмирал послал меня спросить, не присоединяетесь ли вы к нему за напитками для короткой беседой после

банкета. Но, если возможно, я была бы очень признательна, если бы вы позволили мне что-то сказать вам лично. Что-то, что, я уверена, адмирал не одобрит."

"И что это будет, лейтенант Лафонтен?" - холодно спросила Шинейд.

"Две вещи, мэм," - сказала Лафонтен, встречая ее глаза спокойно, - и бесстрашно, - как, Шинейд знала, Хелен Зилвицкая встретила бы кого-то от имени ее мужа. "Во-первых, адмирал Турвиль знает, что случилось с эскадрой вашего мужа. Фактически, он был одним из офицеров военного трибунала над тремя сотрудниками государственной безопасности, которые в конечном итоге были повешены за то, что случилось с этими людьми, и он глубоко сожалеет о том, что остальным преступникам удалось исчезнуть до того, как республиканские силы освободили планету на которых они удерживались. Он знает о причинах сэра Айварса, - и вас, как его жены, - ненавидеть Народную Республику Хевен, и он внушил это всему своему персоналу.

Во-вторых, - и это то, что, я думаю, он не одобрит в моем рассказе, - хотя Граф Тилли, его флагман, сопровождал Корделию Рэнсом и Тепеш, когда герцогиню Харрингтон доставляли на Цербер, он ненавидел каждый момент этой поездки. Фактически, всем в его штабе было очевидно, что, после того, как Рэнсом - она была той, кто настояла, чтобы адмирал Тейсман поручил ему это дело, - закончит в Цербере, она намеревалась вернуть адмирала в Новый Париж, чтобы его судили перед Народным Судом за измену против революции, потому что он протестовал против решения повесить герцогиню, как нарушения Денебских соглашений. И он тот, кто позволил ей и ее людям добраться до поверхности Цербера необнаруженными."

"Прошу прощения?" - сказала Шинейд с холодным скептицизмом. "И как он это сделал?"

"Это никогда не появлялось в каком-либо официальном сообщении, мэм," - спокойно сказала Лафонтен, "и адмирал никогда не упоминал об этом даже герцогине. Но когда два шаттла, которые ее люди украли для побега, отделились от Тепеша, их отследили ... но никуда не сообщили. Фактически данные слежения были стерты."

"И как произошла эта необычная серия событий?"

"Адмирал Турвиль лично стер данные, пока народный комиссар Хонекер смотрел на главный визуальный дисплей."

Лафонтен не повышала голос, но ее тон был ровным, почти твердым, и Шинейд недоверчиво уставилась на нее. Затем она слегка встряхнула головой.

"А почему именно, как вы думаете, адмирал никогда не рассказывал об этом ни одной душе?" - спросила она. "И, простите меня за вопрос, лейтенант, но если он "никогда не упоминал об этом" никому, как случилось, что вы знаете об этом?"

"Я не могу вам точно сказать, почему он никогда не упоминал об этом, мэм," - ответила лейтенант, все еще глядя ей в глаза. "Мое лучшее предположение - что он чувствует, что это будет казаться самооправданием, и что нет никаких доказательств, что он на самом деле это сделал." Она слегка пожала плечами. "Довольно трудно использовать стертые данные слежения, чтобы доказать что-то, миз Терехов."

"Хорошо," - неохотно сказала Шинейд. "Я признаю, что это правда. Но мне все равно было бы интересно узнать, как вы узнали об этом совершенно секретном добром деле."

"Адмирал Форейкер, - тогда она, конечно, была только гражданином командером Форейкер, -

была операционным офицером адмирала Турвиля, мэ, - тихо сказала Лафонтен. "Именно она поняла, что шаттлы отделились от Тепеша, и она собиралась удалить данные из базы данных Графа Тилли, когда поняла, что адмирал смотрит на дисплей через ее плечо. Тогда он потянулся и сам удалил данные. И после того, как он это сделал, он вернулся к народному комиссару Хонекеру, и сказал, - это его точные слова, мэ. - "Слишком плохо. Там не может быть выживших. Слишком плохо ... леди Харрингтон заслуживала лучшего." И причина, по которой я знаю, что он это сделал, причина, по которой я никогда не забуду то, что он сказал, заключается в том, что очень молодой энсин, по имени Лафонтен, была помощником адмирала Форейкер по сопровождению на флагманском мостике Графа Тилли в тот день."

Шок от этого прошел через Шинейд Терехову, словно брызги ледяной воды, но эти яркие голубые глаза не дрогнули.

Боже мой, это правда, подумала она. Мне не обязательно быть древесным котом, чтобы узнать правду, когда я это слышу. И он никому не сказал? Даже самой герцогине Харрингтон?

Она повернула голову, глядя на улыбающегося офицера-хевенита с густыми усами, смеявшегося над тем, что только что сказал адмирал Калбертсон, а затем оглянулась на Лафонтен.

"Лейтенант," - сказала она, "пожалуйста, примите мои глубокие извинения за любую грубость, которую я выказала вам сегодня вечером. И спасибо, что поделились этим со мной. Должна ли я предположить, что вы хотите, чтобы я не говорила адмиралу Турвилю об этом?"

"Миз Терехов, я думаю, адмирал, вероятно, оторвет мне голову, если вы ему скажете," - криво сказала Лафонтен. "Имейте в виду, я думаю, что он расскажет об этом позже, и я действительно очень надеюсь, что когда-нибудь все это выйдет наружу. Но я не думаю, что это произойдет потому, что он расскажет кому-то. Лично я надеюсь, что адмирал Форейкер будет немного менее сдержанной в следующий раз, когда она и герцогиня Харрингтон встретятся лицом к лицу." Лейтенант улыбнулась. "Как вы, наверное, слышали, адмирал Форейкер не слишком привержена строгому военному протоколу. И она, вероятно, подумает, что, будучи старым товарищем адмирала, имеет довольно хороший шанс пережить его реакцию!"

"Я понимаю". Улыбка Шинейд была намного теплее, она протянула руку и положила ее на предплечье Лафонтен. "И я также понимаю, как повезло адмиралу Турвилю с вами, лейтенант." Ее пальцы мягко сжались, затем она сняла руку и потянулась к своей десертной вилке. "И, пожалуйста, скажите ему, что я буду счастлива - и сочту за честь - встретиться с ним после банкета."